

УДК 93

ББК63.5 (2Рос=Калм)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КАЛМЫЦКОЙ АССР В 1943 г.

К. Н. Максимов

В ходе общего контрнаступления войск Сталинградского фронта в ноябре 1942 г. воинские части 51-й армии приступили к освобождению временно немцами оккупированных северо-западных улусов Калмыцкой АССР. В вечернем сообщении 27 ноября 1942 г. Совинформбюро говорилось: «Наши войска юго-западнее Сталинграда продвинулись вперед и заняли населенные пункты Городской ... Шарнутовский» [Сталинградская битва 2002: 295]. В бою за село Шарнутовский 26 ноября 1942 г. заряжающий миномета 13-го отдельного конно-артиллерийского дивизиона 61-й кавалерийской дивизии рядовой Карсыбай Спатаев, уроженец Чимкентской области Казахской ССР, за проявленный подвиг посмертно удостоился звания Героя Советского Союза. В наградном листе о подвиге К. Спатаева написано: «... 26 ноября 1942 г. в районе населенного пункта Шарнутовский с миной в руках бросился под вражеский танк, прорвавшийся на огневую позицию батареи, и подорвал его» [Конев 2010: 347]. К 1 декабря 1942 г. полностью были освобождены Малодербетовский и Сарпинские улусы.

После упорных боев подразделения 28-й армии в декабре 1942 г. перешли в наступление и к изгнанию врага из Калмыцкой АССР. В вечернем сообщении 30 декабря 1942 г. Совинформбюро было передано: «В течение 30 декабря наши войска южнее Сталинграда продолжали успешно развивать наступление и заняли районные центры Ремонтное, Троицкое, населенные пункты ... Улан-Эрге, Ленинский ...» [Сталинградская 2002: 318–343].

28 декабря 1942 г. полностью был освобожден Кетченеровский улус, 29 декабря — Черноземельский улус, 30 декабря — Троицкий улус. 31 декабря 1942 г. в 23 час. 40 мин. гвардейцы 28-й армии, разгромив немецкие и румынские части, освободили Элисту от оккупантов. В числе первых вошедших в Элисту под-

разделений находился и отдельный калмыцкий разведывательный эскадрон (командир — элистинец И. Т. Барабанов, старший политрук — Булда Манджиев) штаба 28-й армии. В вечернем сообщении Совинформбюро 1 января 1943 г. передавало: «... южнее Сталинграда наши части после ожесточенного боя овладели городом Элиста». 2 января 1943 г. был освобожден Приютненский улус, 21 января — Западный и Яшалтинские улусы.

С освобождением от временной немецкой оккупации Калмыцкая АССР стала объектом пристального внимания ЦК ВКП(б). По решению секретариата ЦК ВКП(б) от 14 января 1943 г. в Калмыкию, якобы для оказания помощи, прибыл из Москвы ответственный работник орготдела А. Ф. Ликомидов, бывший секретарь Астраханского окружкома партии. Правительство РСФСР командировало в республику большую группу специалистов федеральных наркоматов во главе с заместителем наркома торговли Жуковым [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 115. Л. 23; Оп. 122. д. 40. Л. 12]. Целью прикомандирования А. Ликомидова, видимо, было не столько «оказание помощи», сколько изучение им республики, знакомство с положением дел в ней, подготовка к вступлению в должность первого секретаря Калмобкома ВКП(б). Действительно, на январско-февральском (29.01–01.02.1943 г.) пленуме (первом после оккупации) обкома партии по рекомендации ЦК ВКП(б) его избрали первым секретарем парткома Калмыкии вместо П. В. Лаврентьева.

С января 1943 г. при обкоме партии почти постоянно находились 2–3 прикомандированных ответственных работника отделов ЦК ВКП(б) и Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), которые, выезжая в улусные парткомы и первичные парторганизации, открыто высказывали и выражали недовольство работой обкома партии и

правительства республики. По всем вопросам они составляли докладные записки, отчеты на имя секретарей ЦК ВКП(б) весьма негативного содержания. В апреле–мае работники ЦК ВКП(б) и наркоматов СССР и РСФСР приступили к тщательному анализу социально-культурной сферы, экономики, кадрового и национального состава Калмыцкой АССР, при этом обращалось внимание и на оккупационный период.

В конце мая — начале июня 1943 г. Секретариат ЦК ВКП(б) под председательством Г. М. Маленкова рассмотрел с участием первого секретаря Калмобкома партии А. П. Ликомидова и председателя СНК КАССР Н. Л. Гаряева положение дел в Калмыкии, акцентируя внимание на политическую ситуацию в республике. После возвращения из Москвы А. Ликомидов, выступая на пленуме Калмобкома партии, состоявшемся 12–15 июня 1943 г., информировал членов обкома о том, что на заседании секретариата ЦК ВКП(б) им с Н. Гаряевым обоим указали на слабую работу обкома и правительства по наведению порядка в республике, «в борьбе с враждебными элементами, скрывающимися на ее территории ...». Далее он особо подчеркнул: «ЦК ВКП(б) потребовал от нас в кратчайший срок навести порядок в республике, исправить ненормальную обстановку в некоторых улусах ... Надо помнить указание наших вождей, что всякое ослабление партии в военное время, — добавил от себя Ликомидов, — должно караться по законам военного времени». Н. Л. Гаряев, принимая участие в прениях на этом же пленуме, подтвердил, что на секретариате ЦК ВКП(б) им пришлось держать ответ по вопросу о политическом положении в республике. При этом он выразил сожаление по поводу того, что все же «часть нашего населения, хотя небольшая, около 1 %, была на стороне немцев, пошла против советской власти, из которых часть ушла с фашистами ...» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 785. Л. 31, 43, 188–191; Д. 839. Л. 50].

По общественно-политической обстановке республика ничем не отличалась от других территорий страны, освобожденных от временной немецкой оккупации. Ее население активно включилось в восстановление народного хозяйства, продолжалась мобилизация материальных и людских ресурсов для нужд фронта. К середине 1943 г. установилось относительное спокойствие и

в калмыцкой степи. В марте 1943 г. на территориях СССР, освобожденных Красной Армией от фашистов, оперативные группы и местные органы НКВД СССР выявили и арестовали: в Ростовской области — 1 807 (0,06 % от всего населения) немецких пособников, 121 дезертира и бандита; в Краснодарском крае — 3 011 (0,1 %) немецких пособников, 1 480 дезертиров и бандитов; Ставропольском крае — 4 652 (0,31 %) немецкого пособника, 252 дезертира и бандита; Калмыцкой АССР — 243 (0,11 %) немецких пособника разных национальностей, 16 дезертиров и бандитов; Кабардино-Балкарской АССР — 538 (0,15 %) немецких пособников, 524 дезертира и бандита; Северо-Осетинской АССР — 506 (0,11 %) немецких пособников, 298 дезертиров и бандитов; в Орловской области — 1 449 (0,11 %) немецких пособников, 2 037 дезертиров и бандитов; Воронежской области — 2 861 (0,1 %) немецкого пособника, 319 дезертиров и бандитов; Сталинградской области — 1 423 (0,08 %) немецких пособников, 78 дезертиров и бандитов. Приказом НКВД СССР от 31 июля 1943 г. из числа работников местных правоохранительных органов в Калмыцкой АССР сформировали штаб и истребительные батальоны. Им в короткие сроки удалось ликвидировать почти все бандгруппы, некоторые из них добровольно явились с повинной и сдались. К концу августа 1943 г., по данным НКВД СССР, на территории Калмыкии действовали 4 бандгруппы в составе 17 человек [Лубянка 2006: 361, 366, 368–370].

Вместо того, чтобы основательно и настойчиво заниматься вопросами возвращения эвакуированного скота, усилить организаторскую, разъяснительно-воспитательную деятельность, приступить к налаживанию спокойной и деловой обстановки в республике, руководство Калмыцкого обкома ВКП(б), видимо, боясь ответственности за последствия оккупации, лихорадочно начало искать «виновных» в провале эвакуации, политико-разъяснительной работы среди населения, особенно оккупированных улусов. Областной комитет партии не смог своевременно и обстоятельно проанализировать сложившуюся ситуацию в период оккупации и после нее, установить объективные причины, неотложные задачи, пути и методы решения имеющихся проблем. Секретари областного парткома П. В. Лаврентьев и П. Ф. Касаткин, не пре-

одолев «синдром страха» перед вышестоящим начальством, старательно пошли по сложившемуся в то время стереотипу — искать «врагов народа», «вредителей», «социально чуждых элементов», «буржуазных националистов» и т. д.

Калмыцкий обком ВКП(б) в первую очередь занялся проверкой коммунистов, находившихся на временно оккупированной территории республики, и расправой с ними. 733 (30 % от общего числа людей оккупированных улусов и 22,6 % от общей численности облпарторганизации) коммуниста Калмыцкой областной партийной организации вынужденно оказались в оккупированных селах и городе Элисте. В докладной записке «О недостатках в работе улускомов ВКП(б) Калмыцкого обкома ВКП(б) по рассмотрении дел коммунистов, оставшихся на территории, оккупированной врагами», составленной 24 июня 1943 г. уполномоченным Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Калмыцкой АССР А. Смирновым, указывалось, что в оккупации находились 768 коммунистов (предварительные данные обкома. — К. М.). Из них фашисты расстреляли 91 (12,4 %) члена партии, вступившего в борьбу с ними, 7 человек умерли. Немцы в Яшалтинском улусе из 68 коммунистов казнили 35, из них 17 калмыков, в Западном улусе из 82 коммунистов — 15 (11 калмыков), в Приютненском улусе из 125 коммунистов — 17, в Троицком улусе из 89 коммунистов — 12, в Элисте из 77 коммунистов — 7, в Кетченеровском улусе из 121 — 2, Малодербетовском улусе из 34 коммунистов — 1. В Сарпинском улусе известны только двое коммунистов, казненных румынами, — милиционер Мураев Иван Васильевич и председатель колхоза им. Чкалова Никитин Антон Амбуревич [ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 8. Д. 27. Л. 1 об., 30–31; НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 843. Л. 2]. Таким образом, Калмобком ВКП(б) в течение почти года занимался разбором личных дел 635 членов партии, находившихся в оккупации, и к концу декабря 1943 г. успел разобраться лишь с 537 коммунистами, остальными пришлось заниматься Сталинградскому, Астраханскому, Ростовскому обкомам, Ставропольскому крайкому партии.

Среди «оставшихся» коммунистов, не считая расстрелянных и умерших, преобладали сельские — 564 (88,8 %), женщины составляли — 254 (40 %), рабочие — 91 (14,3 %), колхозники — 324 (51 %), служа-

щие — 226 (35,6 %). Последнюю категорию представляли в основном мелкие клерки — бригадиры, счетоводы, кассиры, заведующие фермами и т. д. В оккупации также оказались 60 (52,2 %) председателей колхозов из 118 [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 735. Л. 22; Д. 839. Л. 68, 69, 169; Д. 868. Л. 1–37, 45].

Калмыцкий обком ВКП(б), своевременно не организовав эвакуацию коммунистов, специалистов, призывников, военнообязанных, имущества, скота, переложил всю вину за случившееся на рядовых членов партии, которые не по своей воле остались в оккупации. Основную массу «оставшихся» партийцев представляли рабочие и колхозники (пастухи, чабаны, сторожа, уборщицы, механизаторы и т. п.) — 415 человек (65,3 %), которые не могли эвакуироваться, многие из них занимались уборкой урожая, пасли совхозные, колхозные отары, стада, табуны вплоть до вторжения немцев. Кроме того, женщины-коммунистки имели на руках малолетних детей, престарелых родителей, а их мужья, старшие сыновья сражались на фронте, все заботы по домашнему очагу лежали на их плечах. Поэтому они не могли бросить семью, хозяйство и уехать из села.

Однако руководство Калмыцкого обкома ВКП(б), не учитывая никаких причин, обстоятельств, лишь заботясь о себе, огульно обвинило и ошельмовало многих ни в чем не повинных людей в якобы преднамеренном невыезде с желанием якобы сотрудничать с врагом. Бюро Калмобкома ВКП(б) из 635 коммунистов к декабрю 1943 г. исключило из партии 517 (81,4 %) человек, оставило с наказанием в ее рядах лишь 20 человек. Личными делами остальных коммунистов, как было выше отмечено, занимались парткомы других областей [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 868. Л. 45; Д. 880. Л. 183].

В аналогичной ситуации, надо заметить, оказались коммунисты и других областей, попавших под временную оккупацию. В справке заместителя заведующего Сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) А. Козлова на имя секретаря ЦК ВКП(б) А. Андреева отмечалось, что в Ростовской области «значительная часть коммунистов, особенно сельских районов, оставалась на оккупированной территории, многие работали у немцев, регистрировались в гестапо, около 40 % из них не сохранили партийных билетов». Однако Ростовский обком ВКП(б) при рассмотрении подобных perso-

нальных дел более лояльно, а может быть, внимательнее отнесся к коммунистам, находившимся на временно оккупированной территории. По результатам разбора их дел в Ростовской области в 1943 – 1944 гг. из партии исключили 5 019 человек (55 % от всех рассмотренных дел), более 4 тыс. оставили членами партии [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 148. Л. 74; Крикунов 2006: 217].

Среди коммунистов Калмыкии, находившихся во временной оккупации, были заслуживающие сурового наказания, вплоть до судебного разбирательства по законам военного времени, особенно те, которые (123 человека, из них с немцами бежали 113) служили старостами, в полиции, карательных отрядах, нацистской администрации. Но многих коммунистов парткомы улусов, республики исключали из партии абсолютно необоснованно, не говоря уж о вынужденных работать чабанами, пастухами, сторожами, уборщиками для того, чтобы прокормить семью, не умереть от голода. Например, обком ВКП(б) исключил из партии Б. Б. Хонгорову, 1888 года рождения, члена ВКП(б) с 1931 г., до оккупации являлась дояркой в совхозе «Сарпа» Кетченеровского улуса, при немцах не работала, сохранила партбилет; Н. Д. Мазилкина, 1899 г.р., члена ВКП(б) с 1939 г., работал в колхозе им. Молотова Троицкого улуса сапожником и при немцах сапожничал на дому, сохранил партбилет; Д. Д. Музраеву, 1910 г. р., члена ВКП(б) с 1939 г., не работала ни до и ни после оккупации; Б. О. Сенгееву, 1888 г.р., члена ВКП(б) с 1931 г., до оккупации — доярка в колхозе «Кючин ницян» Троицкого улуса, при немцах не работала, сохранила партбилет; У. П. Пюрвеева, 1879 г. р., члена ВКП(б) с 1928 г., сторожа в колхозе «Чик халга» Троицкого улуса, при немцах не работал, сохранил партбилет; Д. П. Пальтиева, 1908 г. р., члена ВКП(б) с 1931 г., до оккупации чабана в колхозе «Чик халга», при немцах не работал, сохранил партбилет; С. У. Убушиева, 1905 г.р., кандидата в члены ВКП(б) с 1939 г., до оккупации — пастух в колхозе им. Ворошилова Приютненского улуса, при немцах продолжал пасти скот, сохранил карточку; Бачу Андрееву, 1906 г.р., члена ВКП(б) с 1938 г., домохозяйку, нигде не работала ни до, ни после оккупации части Черноземельского улуса, сохранила партбилет; С. Д. Алексееву, калмычку, 1915 г. р., колхозницу колхоза им. Калинина

Приютненского улуса, кандидата в члены ВКП(б). При отступлении немцы вместе с группой колхозников ее насильно угнали для сопровождения скота, доения коров. Но через день ей удалось убежать и вернуться домой. Однако обком ее исключил из кандидатов с обвинением «в попытке уйти с немцами». А. И. Шарапова, 1914 г.р., врач участковой больницы в Ики-Бурульском сельском совете Приютненского улуса, член ВКП(б) с ноября 1941 г., в период оккупации лечила только мирных жителей, сохранила партбилет. Ее исключили из партии с формулировкой «не эвакуировалась», «в доме на постой был размещен легионер».

Уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) А. Смирнов, внимательно ознакомившись с делами исключенных коммунистов в Калмыкии, отметил факты формального разбирательства. Он в справке отмечал, что, например, 6 февраля 1943 г. Троицкий улуском партии, рассмотрев вопрос о «партположении» М. Л. Лиджиева, 68 лет, инвалида 2-й группы, при немцах не работавшего, сохранившего партбилет, не обосновав своего решения, объявил ему строгий выговор. Хотя в личном деле М. Л. Лиджиева имелись все документы, подтверждающие возраст, инвалидность, неучастие в работе при немцах, отсутствие транспортной возможности для эвакуации, бюро Калмобкома ВКП(б) исключило его из партии с формулировкой «за политическую несостоятельность» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 868. Л. 1–37; Д. 843. Л. 7; Ф. П-8. Оп. 1. Д. 40. Л. 54–55, 82].

После такой массовой чистки коммунистов, когда основным обвинением было только одно — «находился на оккупированной территории», как отмечал в справке А. Смирнов, в Калмыцкой областной партийной организации к 27 декабря 1943 г. на учете остались 2 417 коммунистов, из них 1 322 (54,7 %) калмыка, 1 095 (45,3 %) русских и других национальностей» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 880. Л. 189].

Очередным «мероприятием в ликвидации» последствий оккупации явились репрессии против родных и близких сотрудничавших с врагом и бежавших с ним. Так, в колхозе им. Ленина Приютненского улуса изгнали и лишили работы чабана Ч. Нимяева, обвинив в том, что его племянник О. Бембеев и подпасок Н. Нимеев ушли с немцами, а также пастуха Б. Кандушева (его брат бежал с немцами). В Кетченеровском

улусе секретаря парткома колхоза им. XVIII партсъезда Сумьянова освободили от должности в связи с тем, что его дядя Даваев во время оккупации служил старостой этого же колхоза и т. д. [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 787. Л. 182, 186].

Одновременно с партийцами сплошную проверку прошли и комсомольцы республики, находившиеся на оккупированной территории. К моменту вторжения фашистов 2 219 членов ВЛКСМ (51,2 %), большей частью школьного возраста, находились в своих селах, поселках, помогая старшим убирать урожай, заготавливать корм для скота, охранять и пасти домашних животных. В силу различных обстоятельств и причин некоторые комсомольцы пошли на службу к оккупантам. По результатам рассмотрения персональных дел комсомольцев, находившихся в захваченных улусах, горком и улускомы ВЛКСМ исключили из комсомола 816 человек (36,7 % от общей численности оккупированных улусов, или 11,4 % от всего состава областной комсомольской организации), из них 170 комсомольцев, ушедших с немцами, за уничтожение членских билетов — 180 и т. д. А в это время на фронтах войны сражались с врагом 7 454 (66,2 % от предвоенной численности) комсомольца Калмыкии, из них 688 девушек, а также 47 комсомольцев в партизанских отрядах на территории Калмыцкой АССР, Ростовской и Сталинградской областей [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 735. Л. 36, 38; Ф. П-22. Оп. 1. Д. 46. Л. 52, 137, 149; Д. 142. Л. 2, 4].

В разгар войны, в напряженной обстановке проверки и чистки партийных и комсомольских организаций в селах Калмыкии, произошло из ряда вон выходящее событие, характеризовавшее истинное отношение к партии и комсомолу. В связи с роспуском в мае 1943 г. III Коминтерна в некоторых селах республики распространился слух о ликвидации коммунистической партии и комсомола. Многие коммунисты и комсомольцы Западного улуса побежали и выстраивались в очередь в правлениях колхозов, конторах совхозов, МТС для сдачи партийных и комсомольских билетов [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 785. Л. 123–124].

Расправу над рядовыми коммунистами и комсомольцами в результате бездумного, формального отношения к судьбам людей, на мой взгляд, следует воспринимать как характерную черту большевиков,

проявленную в «лучших традициях» партийных чисток, «большого террора». Не исключено, что в этом деле руководством Калмыцкого обкома ВКП(б) (секретарями А. Ф. Ликомидовым и П. Ф. Касаткиным) преследовалась чисто утилитарная, а может быть, и политическая цель. Новому первому секретарю Калмыцкого обкома партии А. Ликомидову, конечно, не требовалось оправданий. Но он мог из этого извлечь, как рьяный «разоблачитель», политический капитал. Огульно обвинив в измене родине и сурово наказав членов ВКП(б) и ВЛКСМ республики, в составе которых преобладали граждане коренной национальности (около 70 %), указанные секретари обкома расставили акценты оценки в политическом положении национального региона и подвели руководство страны диктаторского режима к определенно заданной стереотипной мысли. В этом деле очень уж усердствовал новый нарком госбезопасности Калмыцкой АССР А. П. Михайлов, переведенный в Калмыцкую АССР одновременно с А. Ликомидовым (не случаен тот факт, что Михайлов в течение полугода 1943–1944 гг. получил ордена — Знак Почета (сентябрь 1943 г.) и орден Красного Знамени (март 1944 г.), звание полковника ГБ (февраль 1943 г.). Кстати, в день упразднения Калмыцкой АССР (27 декабря 1943 г.) он получил должность начальника УНКГБ — УМГБ Астраханской области).

А. Михайлов, выступая на пленуме Калмыцкого обкома ВКП(б), состоявшемся 12–15 июня 1943 г., «забыв», что в годы Гражданской войны страна была поделена на два противоборствующих лагеря, российское общество впало в бифуркационное состояние, обвинил калмыков в том, что часть из них боролась против советской власти, а затем якобы саботировала коллективизацию сельского хозяйства, создала буржуазно-националистическую партию с далеко идущими целями (свержение существующего строя), которая сейчас нам хорошо известна как выдуманная органами ОГПУ организация. На основании этой бредовой идеи он сделал заключение о том, что подобные факты характеризуют менталитет калмыцкого народа [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 786. Л. 154–162].

Он прекрасно знал причины истинного положения, сложившегося в период временной оккупации части территории Калмыкии, и кто в этом виновен, а также

о том, что из 43 тыс. уроженцев республики, призванных на фронт, более половины представляли калмыки. Что касается коллорабационистов, служивших врагу, ушедших при отступлении с ним, находившихся в бандотрядах, то Калмыцкий обком партии и правоохранительные органы республики к середине 1943 г. располагали полными сведениями о них — пофамильно и по национальностям. Все они были взяты на учет, многие арестованы. Это выступление полковника государственной безопасности А. Михайлова, в отличие от содержания его речи на предыдущем (февральском 1943 г.) пленуме Калмобкома ВКП(б), где он говорил, что немцы заигрывали с калмыками, а сами их расстреливали пачками, основывалось уже не на объективном анализе положения в республике. Это было явное конъюнктурное выступление в соответствии с политическим заказом и настроением нового первого секретаря Калмыцкой парторганизации ВКП(б).

Кризисная политическая ситуация в республике усугубилась трудностями экономического состояния. За период временной оккупации и отступления фашисты нанесли Калмыкии колоссальный урон, серьезно подорвали ее экономику. Помимо этого, наступившая во многих регионах страны летняя засуха 1943 г. захватила и территорию Калмыцкой АССР, что затруднило восстановление экономики колхозов и совхозов, создало сложности в продовольственном обеспечении населения. В результате стремления партийных органов во что бы то ни стало выполнить любой ценой государственные планы по сдаче сельхозпродуктов республика оказалась в тяжелейшем положении. Даже бывшие богатейшие хозяйства оказались в критическом состоянии. Так, в письме в обком партии председатель колхоза имени Кирова Уланхольского улуса Г. М. Манджиев писал, что с начала войны и до октября 1943 г. колхоз в фонд обороны сдал: 10 тыс. овец, 333 лошади с седлами и сбруей, 16 верблюдов, 1 тонну шерсти, 1 млн 50 тыс. руб., подписался на государственный военный заем на сумму 715 тыс. руб., сдал 7 тонн цветного и черного металла. Отдельно колхозники сдали в фонд обороны 229 тыс. руб., подписались на 584 тыс. руб. по военному займу, на 60 тыс. 405 руб. выкупили билеты денежно-вещевой лотереи, 183 тыс. руб. передали в фонд обороны, 195 тыс. руб. в фонд по-

мощи освобожденным улусам. Колхоз им. Кирова и колхозники, заслужив в марте 1943 г. благодарность от председателя ГКО И. Сталина, оказались истощенными. «Ныне колхоз в связи с засухой испытывает тяжелейшую нужду, — писал он, — появились случаи опухания людей от недоедания и даже смерти» [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 46; Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 44. Л. 8; Ф. П-1. Оп. 3. Д. 840. Л. 116; Калмыкия...1985: 305].

В связи с поиском виновных в последствиях временной немецкой оккупации и с трудной экономической обстановкой в республике стала складываться кризисная ситуация в отношениях между руководителями-русскими и руководителями-калмыками. Она зародилась в начале февраля 1943 г., т. е. после освобождения ЦК ВКП(б) П. Лаврентьева от должности первого секретаря Калмыцкого обкома партии с объявлением ему выговора за слабую работу во время эвакуации и в период оккупации, и назначения на этот пост А. Ликомидова. Став активными сторонниками нового первого секретаря, секретарь по кадрам Калмобкома партии П. Касаткин и недавно назначенный нарком госбезопасности республики А. Михайлов способствовали А. Ликомидову внести раскол в руководстве Калмыцкой АССР, создать сложную политическую атмосферу в республике, при этом не гнушаясь сгущения негативных красок в докладах в ЦК ВКП(б) о положении в республике, о коренном населении и руководителях-калмыках.

Прав был А. М. Некрич, видимо, располагая определенными сведениями, писавший, что «летом 1943 г. некалмыцкая часть руководства Калмыцкой АССР начала проявлять недоверие к калмыкам вообще» [Некрич 1993: 259]. Ныне доступные материалы показывают, что действительно группа Ликомидова не только проявляла неприязнь, но и провоцировала руководителей-калмыков к открытому противостоянию. Так, 1 мая 1943 г. на торжественном обеде по случаю праздника в столовой Совнаркома КАССР А. Ликомидов в присутствии всего руководства Калмыкии, в грубой форме обвинив председателя правительства республики Н. Гаряева в стремлении якобы занять его должность — первого секретаря обкома партии, в нетребовательности к наркомам, предложил уйти ему в отставку. В тот же день Н. Гаряев проинформировал ЦК ВКП(б) о выступлении

и предложении А. Ликомидова [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 10. Д. 118. Л. 282]. Однако со стороны ЦК ВКП(б) реакция на этот конфликт в руководстве Калмыцкой АССР, вызванный сложной политической обстановкой, не последовала. Следует полагать, что А. Ликомидов действовал с ведома ЦК ВКП(б). Если у него имелись серьезные претензии к правительству или лично к Н. Гаряеву, Ликомидов, обладая достаточной властью и полномочиями, мог этот вопрос вынести на заседание бюро или пленума обкома партии, а не устраивать на бытовом уровне разнос председателю правительства во время застолья.

Однако, когда в обком партии поступило постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», по сути являвшейся программой по возрождению народного хозяйства регионов, находившихся во временной оккупации, руководство республики не насторожилось, не встревожилось, не обратилось за разъяснением в правительство СССР. В данное постановление Калмыцкая АССР не была включена, как будто она не находилась в оккупации. У советского руководства, по всей вероятности, к моменту подготовки проекта этого постановления уже сложилось окончательное мнение об упразднении республики и депортации ее автохтонного населения. Поэтому, принимая меры по ликвидации последствий немецкой оккупации, оно не стало «напрасно» вкладывать средства в восстановление экономики Калмыкии, то есть действовало по принципу — Калмыцкая АССР уже не существует, и с ней нет проблем.

Пользуясь особыми служебными правами, обязанностями и возможностью представлять в ЦК ВКП(б) информацию о положении в республике, прежде всего по политическим и кадровым вопросам, секретарь обкома партии П. Ф. Касаткин в направляемых отчетах, докладных записках, носивших характер доноса, всю вину за последствия оккупации возлагал на руководителей-калмыков. Так, в одной из докладных записок в ЦК ВКП(б) в июле 1943 г. П. Касаткин писал: «В республике создано неблагоприятное политическое положение, поскольку еще в годы Гражданской войны часть населения Калмыкии служила в белой армии вместе с донскими казаками. В улусах республики осталось значительное

количество бывшего кулачества, гелюнгов, зайсангов ... Все эти чуждые элементы на различных острых периодах строительства социализма поднимали головы и вели анти-советскую деятельность, тем более в период временной немецкой оккупации». В республике, сообщал он, «процветает буржуазно-националистическая практика подбора и выдвижения кадров», хотя кадровая политика являлась полностью его прерогативой как секретаря по кадрам обкома партии. Продолжая, он писал: «Совнарком республики и его председатель Н. Гаряев не воспитывают у руководящих работников политической остроты в работе, непримиримости к врагам народа, не нацеливают аппарат Совнаркома и наркоматов на разоблачение врагов народа, изменников родины. Ряд руководящих работников из числа калмыков — Гаряев, Гахаев, Эрдниев — проявляют чванство, вождизм, ведут себя высокомерно ...» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 839. Л. 67, 77, 78].

Точно такие же доносы писали, составляли характеристики руководители (русские и калмыки) Калмыцкой АССР друг друга в 1930-х гг. Обострившиеся взаимоотношения между русскими и калмыками в верхних эшелонах власти республики стали явным проявлением кризиса не только в межнациональных отношениях региона, но и в целом в национальной политике советского государства. Благо, что шовинистические настроения не дали метастаз в общество. Ни о чем не подозревавшие простые люди — русские, калмыки — в те грозные дни жили и трудились с одними думами — скорее изгнать, победить врага, спасти общий дом.

В последней докладной от 25 декабря 1943 г. в ЦК ВКП(б) П. Касаткин писал: «Почти все калмыцкое население не хотело эвакуироваться в глубь страны и зачастую способствовало бандитам в срыве перегона скота за Волгу. Отдельные партийные, советские и хозяйственные руководители, особенно из числа калмыков, не только не проводят решительную борьбу по выявлению, разоблачению и выкорчевыванию остатков и проявлений буржуазного национализма в республике, фашистских шпионов, диверсантов, бандитов и людей, связанных с ними, а занимают пассивную позицию. Плохо еще воспитывают кадры и население в духе стойкости и преданности партии Ленина-Сталина, готовности защи-

щать нашу родину, в духе интернационализма и дружбы народов Советского Союза» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 839. Л. 200–201]. Как видим, ответственность за провал эвакуации людей и имущества, идеологической работы, бездействие обкома ВКП(б) он возложил на калмыцкое население.

Тем самым П. Касаткин своими действиями способствовал обоснованию ликвидации Калмыцкой АССР и депортации ее коренных жителей и сыграл неприглядную роль в судьбе калмыцкого народа. В связи с этим нельзя согласиться с Александром Некричем, написавшим

о том, что «на заключительном этапе и Крымский, и Калмыцкий обкомы ВКП(б) пытались предотвратить роковую развязку» [Некрич 1993: 251]. Имеющиеся в фондах архивов документы относительно действий Калмыцкого обкома ВКП(б) не только «на заключительном этапе», но и с более раннего времени, полностью опровергают утверждение А. Некрича. Поэтому неудивительно, что А. Ликомидов и П. Касаткин, приложившие немало усилий для упразднения Калмыцкой АССР, «заслуженно» получили должности секретарей только что образованного Астраханского обкома ВКП(б).

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Литература

Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Док. и матер. 2-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 510 с.

Конов В. Н. Прокляты и забыты. Отверженные Герои СССР. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 236 с.

Крикунов П. Казаки: между Сталиным и Гитлером: крестовый поход против большевизма. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 608 с.

Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «СМЕРШ». 1939 – март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти // под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2006. 640 с.

Некрич А. М. Наказанные народы // Нева. 1993. № 9. С. 223–283.

Сталинградская битва: Хроника, факты, люди. В 2 кн. Кн. 2. М.: Олма-Пресс, 2002. 576 с.

Sources

[The National Archives of the Republic of Kalmykia]. (In Russ.)

[The Russian State Archives of Social and Political History]. (In Russ.)

[The State Archives of the Russian Federation]. (In Russ.)

References

[Battle of Stalingrad: Chronicle, Facts, People]. In 2 books. Book 2. Moscow: Olma-Press, 2002. 576 p. (In Russ.)

[Kalmykia in the Great Patriotic War of 1941–1945. Documents and Materials]. 2nd ed. Elista: Kalm.

Book Publ., 1985. 510 p. (In Russ.)

Konev V. N. [Cursed and Forgotten. Outcast Heroes of the USSR]. Moscow: Yauza: Exmo, 2010. 236 p. (In Russ.)

Krikunov P. [Cossacks: between Stalin and Hitler: a Crusade against Bolshevism]. Moscow: Yauza, Eksmo, 2006. 608 p. (In Russ.)

[Lubyanka. Stalin and NKVD — NKGB — GUKR “SMERSH”. 1939 – March 1946. Stalin’s Archive. Documents of the Higher Bodies of the Party and State Power]. Acad. A. N. Yakovlev (ed.). Moscow: MFD, 2006. 640 p. (In Russ.)

Nekrich A. M. [The Punished Nations]. *Neva*. 1993. No. 9. Pp. 223–283. (In Russ.)